

вольной и счастливой, что правда (древле спасшая Сусанну⁴²⁴), хотя и оставалась в тайне более года после ее замужества, теперь вышла наружу. И пользуясь откровенным признанием, сделанным в присутствии неотводимых свидетелей, она потребовала, чтобы длань правосудия отмстила нанесенную ей обиду и бесчестье. По этому настоятельному иску наш пьянчужка вместе с названными им горничными был брошен в тесную темницу, – и можете поверить, что Понифр, вырезывая и видя себя на новом жительство, был удивлен не менее Флери, вдруг ощутившей беременность.

Наутро его допросили о вчерашнем, чтобы проверить, подтвердит ли он сказанное; однако он стал отпираться, начисто и безоговорочно все отрицать, объясняя свою исповедь пьяным помешательством: ей, дескать, можно верить не больше, чем бредням сумасшедшего, отличающегося от пьяницы, как учат мудрецы, лишь одним: тот может проспаться, а дурак никогда. Ведь великодушный Пирр⁴²⁵ простил злословивших его, когда они признались: «Государь, мы совсем иначе говорили бы о вас, если бы нас не расслабило вино», и женщина, осужденная македонским царем Филиппом в послеобеденное время, выиграла свое дело, добившись нового рассмотрения, когда царь судил натошак, – поэтому несправедливо вменять ему в вину сказанное или сделанное под хмельком.

Обдумавшие его слова судьи, не намереваясь приговаривать к повешению винную бутылку и к тому же сознавая всю очевидность злодеяния, отдали в пытку обвиняемых горничных: те, будучи хрупкого пола, из боязни и страха перед мучениями немедленно признали истину, и затем были приведены на очную ставку с преступником, который, видя себя окончательно уличенным, стал молить суд о пощаде, а жену о прощении.

Но она была уязвлена слишком глубоко, и по ее неукоснительному требованию горничных, содействовавших злополучному браку и бывших виновницами несчастья, осудили на сожжение заживо. (И то сказать: если законы строжайше наказывают челядь за воровство, даже когда кража невелика, как следовало бы покарать ужасную измену тех, кто был обязан госпоже наибольшей верностью?) А Понифр в силу того же приговора присутствовал на их казни, держа факел в руке, после чего был колесован и, полумертвый, брошен в еще пылавший огонь.

Итак, мы видим, что вино, послужившее распутному наслаждению Понифра, принесло ему жестокою и позорную гибель, подстрекнув сознаться без всякого принуждения в совершенном злодействе: некогда подобное случилось с Императором Клавдием,⁴²⁶ во хмелю открывшим супруге Агриппине свою тайную нелюбовь к ней; такова же была добровольная геенна тех, у кого в былые времена хитрые тираны хотели выманить признание об умышлявшемся против них заговоре. Вот откуда поговорка: истина в вине. И замечу мимоходом, что отсюда же, сдается мне, возник обычай германцев принуждать гостей к неумеренному питью на пиру: трезвые ведь могут рассказать о том, что делалось или говорилось между пьяными. С этим согласно греческое присловье: пей или уходи; и другая старинная поговорка: не терплю памятливого собутыльника.

Известие об удивительном происшествии, досточтимые дамы и господа, во мгновение ока облетело всю Германию. И когда это известие достигло ушей Кариты (хорошо помнившей о любви, какую питали друг к другу в юные лета Герман и Флери), она, рассудив, что Флери теперь осталась без мужа и восстановила свою добрую славу, пожелала испытать, как будет вести себя Герман, и для того велела распусть в Майнце слух, якобы она в гостях у дяди умерла.

Случилось так, что эта ложная молва и весть о примерной казни Понифра дошли до сеньора Германа почти в одно время. И разом был он осажден несколькими врагами. С одной стороны, захлебывалось его сердце горечью скорби о прелестной Карите; с другой – трепетало нежной жалостью к безвинно опозоренной Флери, – ведь несмотря на то, что ее с избытком оправдала виновность злосчастливого Понифра, да и ее собственный грех (если о таком можно говорить) был целиком покрыт и искуплен последовавшим законным браком, для ее сурового целомудрия мало

⁴²⁴ Намек на известный библейский рассказ о красавице Сусанне (Книга пророка Даниила, XIII).

⁴²⁵ Пирр – царь Эпира (III в. до н. э.). Об упоминаемом эпизоде рассказывает Плутарх в своем жизнеописании Пирра.

⁴²⁶ Клавдий – римский император с 41 по 54 г.; он находился под сильным влиянием своей второй жены Агриппины, по приказу которой он был отравлен.